

9 (с) 833171 ✓
Е415

крас

88

4

Войновский
июль 1964

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЕ БЛУКАНИЕ

(1777—1791).

Александра Егорова.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

Товарищество „Печать С. П. Влодарова“, просп. д. Берестецкого
1887.

902
E 45

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

На Самарѣ — Бистрый ростъ и бистрый бѣгъ. — Въ гостяхъ у Найдачанъ —
Черная неблагодарность. — Кайдацкй адвокатъ Никита Коржъ, что
царь-пушкы краль. — На шитшнемъ мѣстѣ: — Половица. — Наслѣдство
Глоби. — Закладка собора. — Намѣтки. — Фабрики.

Городу Екатеринославу прежде, чѣмъ онъ успѣ-
ся на томъ мѣстѣ, гдѣ находится онъ въ на-
стоящее время, пришлось побродить болѣе десят-
ка лѣтъ по окрестностямъ. Первое поселеніе го-
рода было на рѣкѣ Самарѣ, при впаденіи въ нее
рѣчки Кильчени. Это — верстахъ въ 10 отъ тепе-
решняго расположенія города, между нынѣшними
цѣмечными колоніями Юзефсталема и Бронсгар-
теномъ и Самарою, въ 3-хъ верстахъ отъ самар-
скаго моста дозово-севастопольской желѣзной до-
роги. За тѣмъ городъ перешелъ на время въ с.
Новое Кайдаки и только съ 1787 года началъ
строиться тамъ, гдѣ мы находимъ его теперь.
Краткая исторія этого екатеринославскаго блука-
шя и послужить предметомъ нашего разсказа.

Основаніемъ своимъ Екатеринославъ обязанъ
азовскому губернатору, генералъ-поручику Васи-
лю Алексѣевичу Черткову, который въ средніе

833771 К

ДНІПРОПЕТРОВСЬКА
ОБЛАСТЬ
М. Жовткова

лѣта 1777 г. лично выбралъ мѣсто для города, лично положилъ и основаніе ему. Въ началѣ іюня слѣдующаго 1778 г. изъ Вѣлѣвской крѣпости, что нынѣ Константиноградъ, сюда уже перебрались на жительство и самъ азовскій губернаторъ и азовская губернская канцелярія со всеми своими отдѣленіями. А 14 октября того же года протоіерей Алексѣй Хан аѣвевъ, съ разрѣшенія преосвященнаго Евгенія Словенскаго, освятилъ новоустроенную въ Екатеринославѣ Свѣтодуховскую церковь, которая заложена была лично преосвященнымъ 10 мая того же года, и строилась казенными людьми, изъ казеннаго матеріала и на казенный счетъ. Черезъ четыре года по основаніи городъ уже считалъ въ себѣ 2194 души, имѣлъ 4 церкви (русскую, греческую, католическую и армянскую) и два училища.

Но мѣсто для города было выбрано крайне неудачно. Омываемый съ трехъ сторонъ водою и расположенный въ низменности, городъ каждую весну затоплялся почти весь. Вода и послѣ спада долго еще задерживалась болотцами, а отсюда происходили вѣчныя лихорадки, болѣзни желудка, горла и т. п. Кромѣ того и судоходность Самары оказалась сомнительною, по крайней мѣрѣ сколько нибудь периодичныя судна не во всякую пору навигаціи могли подходить къ городу. Это причиняло большія неудобства и убытки во-

ворожденному военно-торговому городу и вызывало стоны и жалобы торгового люда. А известно, что торговые стоны самые назойливые. Дошли они до столицы и вотъ въ 1782 г. въ Екатеринославъ былъ командированъ главный штабъ-докторъ Шевфогель для осмотра какъ мѣстоположенія города, такъ и всего самарскаго побережья. Шевфогель нашелъ, что по неизменному своему положенію вся эта мѣстность вредна для здоровья, неудобна и гибельна для экономическаго развитія обывателей. Въ томъ же году и строителъ города Чертковъ былъ назначенъ воронѣжскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ. По докладу Шевфогеля Потемкинъ избралъ для Екатеринослава другое мѣсто, на правомъ берегу Дибра, гдѣ была тогда старожитная казацкая слобода Половина. А на мѣсть, признанномъ неудобнымъ для Екатеринослава, князь велѣлъ быть Новомосковску. Это произошло въ 1786 г. Жители Екатеринослава (Новомосковска тоже) стали расходиться. Торговцы люди ушли раньше всѣхъ. Жиды до наживы Греки ушли въ Таврію, гдѣ съ присоединеніемъ края въ 1783 г., закинула новая жизнь, болѣе степной привлекавшая къ себѣ народъ, благодаря лучшему климату той мѣстности и приморскому расположенію новаго края. Болѣе скромные русскіе купцы и ремесленники вмѣстѣ съ начальствомъ перебрались въ

Новые Кайдаки. За ними должны были разойтись по бѣлу свѣту и поселенне-земледѣльцы, ибо вся земля ихъ отдана была подосѣвнымъ на ту пору изъ-за-границы нѣмцамъ, образовавшимъ здѣсь колоніи Іозефталъ и Кронсартенъ. Большая часть поселеннъ пошла въ Черноморію. Въ 1791 году здѣсь, кромѣ городничаго, роты солдатъ да нѣсколькихъ канцеляристовъ, никого уже не было. Еще черезъ два года и самъ Новомосковскъ былъ переведенъ вверхъ по Самарѣ, въ Новоселицу, гдѣ и основался совсѣмъ. Отъ стараго Екатеринослава, по деревянности его, и слѣдовъ никакихъ не осталось: скоро городъ строился и еще скорѣе разстроился и разбѣжался. Такимъ-то образомъ закончились первые годы жизни нашего города. Жизнь его здѣсь, на Самарѣ и Кильчени, была, должно быть, не особенно гладка, ибо и воспоминаній объ этой своей стоянкѣ Екатеринославу не имѣеть, да и самое начало своей жизни считаетъ съ 1787 г., т. е. съ той поры, когда основался на новомъ мѣстѣ, въ Половицѣ старобазацкой.

Но блуканія Екатеринослава, съ оставленіемъ береговъ Самары, еще не окончились: ему вѣдь по было строиться и екатеринославы съ Самары разбѣжались; но до построения города имъ вужно было гдѣ иибудь жить и они пріютились въ Новыхъ Кайдакахъ, лежавшихъ на 3—4 версты

выше Половицы, тоже у самого Дибра. Сел же это в то время было уже известно и само по себе. На Запорожье его знали давно. О нем упоминается уже с 1650 года. Къ 1700 году здѣсь начало селиться семейное казачество, которое находилось въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ одной стороны къ Кошу запорожскому, а съ другой къ запорожскому самарскому николаевскому монастырю (что возлѣ Новомосковска). Отношенія эти были постоянны и крѣпки; благодаря имъ, Кайдаки быстро росли; и уже къ 1750 году во всѣхъ бумагахъ войсковыхъ они назывались городомъ: здѣсь была войсковая паланка, со всѣмъ паланочнымъ управленіемъ. Здѣшняя Святониколаевская церковь, по примѣру большихъ поселеній, называлась соборомъ. Къ округу кайдацкому принадлежали селенія отъ Карнауховки до Никополя, по Дибру. Вокругъ Кайдакъ запорожцы селились массами. Это былъ бойкій пунктъ, стоявшій на битомъ шляху. Множество проѣзжихъ изъ Малороссіи въ Запорожье и обратно, масса промышленниковъ и торговцевъ сдѣлали Кайдаки мѣстомъ очень оживленнымъ. Въ 1773 году здѣсь считалось до 130 приходскихъ дворовъ. Селъ этотъ очень умѣренный и по самому скромному исчисленію тамъ нужно считать до 3000 жителей. И вотъ сюда-то зашли екатеринославцы, убѣжавшіе съ низменныхъ и сырыхъ береговъ Самары-

Здѣсь они передохнули передъ поселеніемъ своимъ на мѣстѣ Половицы. Купцы, мѣщане, ремесленники, мастеровые, рабочіе, иностранцы, словомъ—почти все пришлое, что ютилось въ старомъ Екатеринославѣ, прибѣжало въ Байдаки. Сюда же пришла и уѣздная администрація и временно здѣсь осѣла, ожидая, пока въ Екатеринославѣ—Половицѣ будутъ окончены работы по устройству казенныхъ и общественныхъ зданій и наблюдая отсюда за этими постройками. Новые Байдаки въ это время стали еще болѣе оживленнымъ мѣстомъ, благоустройство ихъ сильно поднялось, торговля и промышленность увеличились. Даже въ официальныхъ бумагахъ, не только мѣстныхъ, но и общегосударственныхъ, за это время (1787—1791 г.г.) Новые Байдаки назывались городомъ Екатеринославомъ. Когда Екатерина Великая, въ 1787 году, предприняла свое знаменитое путешествіе въ Крымъ, въ Байдакахъ намѣчена была остановка и для этой цѣли здѣсь былъ устроенъ временныйъ путевой дворецъ, внослѣдствіи обращенный въ сувошиную фабрику. Зданіе это немного позже, а именно при постройкѣ фабрики въ Екатеринославѣ, было перенесено туда. (Около Байдакъ, верстахъ въ тридцати отъ нихъ, у стѣнаго шинка запорожца Галайды, Императрица встрѣтилась съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, который выѣхалъ къ ней на встрѣчу черезъ Херсонъ

и за тѣмъ продолжалъ съ нею путешествіе. Здѣсь же, по разсказу Данилевскаго, случайно былъ освобожденъ Екатериною отъ солдатчины племянникъ Галайды—Боровиковскій, уже продавшійся—было за двадцать рублей въ рекрутчину и ставлѣй впоследствии извѣстнымъ церковнымъ живописцемъ.)

Вотъ изъ этихъ-то отношеній екатеринославцевъ къ кайдачанамъ и родилось потомъ нѣчто непонятное. Временные гости за пять-шесть лѣтъ привыкли считать поселеніе кайдачанъ своимъ на столько, что и перебравшись въ Половицу продолжали смотрѣть на кайдацкую землю, какъ на свою, и продолжаютъ дѣлать это и по сіе время. Сто лѣтъ прошло съ той поры, какъ кайдачане гостеприимно приютили у себя екатеринославцевъ, и все это время они плачутся на ихъ черную неблагодарность. Стародавнее кайдацкое владѣніе считается городскимъ, и кайдачане за собственныя, дѣдовскія, усадьбы платятъ городу аренду; сѣютъ хлѣбъ на своей землѣ, но и за посѣвъ этотъ платятъ городу арендную плату.

Одинъ изъ устроителей Половицы, старый запорожецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ ходилъ въ Петербургъ, въ качествѣ адвоката кайдачанъ, «до Царя». При немъ было доложено Государю Александру Благословенному прошеніе его довѣрителей, лежавшее до того два года безъ движенія. Государь, выслушавъ прошеніе, приказалъ немедлен-

но, не въ очередь, разсмотрѣть въ сенатѣ дѣло кайдачанъ съ городомъ, и Коржъ дождался сенатскаго рѣшенія, коимъ кайдачанамъ предоставлено было право жить на своемъ старомъ мѣстѣ «со всѣми правами, какія имѣетъ земство». Очевидно, этимъ указомъ за Кайдаками было признано право собственности на заселенную ими землю.

Какъ былъ приведенъ въ исполненіе сей указъ, не знаемъ, но городъ и до сихъ поръ считается собственникомъ кайдацкой земли. Расскажемъ здѣсь кстати о хожденіи Коржа и въ Москву по дѣламъ своихъ односельчанъ, михайловцевъ. Новоявленные помѣщики Панчинскій и Верминка отобрали у михайловцевъ всю ихнюю землю. Тѣ жаловались, пошло дѣло въ московскій сенатъ. Пришелъ въ Москву Коржъ. Частенько онъ здѣсь навѣдывался въ сенатъ и все получалъ одинъ отвѣтъ: зажди черезъ недѣлю. Долго бы онъ здѣсь прожилъ, если бы не одно курьезное происшествіе. Захотѣлось ему разъ измѣрить царь-колоколъ да царь-пушку. Вынулъ онъ веревочку и началъ мѣрить. Какъ на это выбѣгаютъ изъ караулки солдаты.—Что ты тутъ дѣлаешь? спрашиваютъ.—Хиба не бачете? гармату вымѣряю, отвѣтилъ Коржъ.—Да какъ ты смѣлъ, сикой такой, казенную пушку мѣрить?—Вона жъ отъ сего не поминьшае!—Призели его, раба Божьяго, къ караульному офицеру. Тотъ тоже на него накричалъ.

Вотъ Коржъ ему и говоритъ: коли вы таки разумни, що васъ ни якъ не одурьшь, то ничего робить, треба вже признаться: хотивъ я вкрасты вашу пушку, такъ вымирювавъ, чи влизе вона мені въ кишеню. — Офицеръ еще нуще озанлся и приказалъ держать Коржа на гаунтвахтѣ до прихода дежурнаго. Вечеромъ явился нѣвій премьеръ-маіоръ, разспросилъ подробно Коржа, посмотрѣлъ его документы и узнавъ, что онъ явился въ Москву по дѣлу въ сенатѣ, обѣщаль попросить за него даюшку своего сенатора, и велѣлъ отпустить Коржа на свободу. Черезъ нѣскольکو дней отиравался Никита Леонтьевичъ въ сенатъ, за сиравками, а тутъ уже ожидали его, провели прямо въ присутствіе. Какъ увидѣли его сенаторы, такъ всѣ и расхохотались. — А, это тотъ молодець — казакъ, что хотѣлъ царь-пушку украсть да въ карманъ сирятать! — Посмѣялись сенаторы, да тутъ же разспросили его и про дѣло. А черезъ нѣскольکو дней вышло рѣшеніе въ пользу довѣрителей воржевыхъ.

Но возвратимся къ дѣлу. Посмотримъ на мѣсто, указанное княземъ Потемкинымъ екатеринославцамъ для поселенія, для устройства города. Половица гораздо позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ Кайдаки. Названіе свое она получила, вѣроятно всего, отъ перваго своего заселителя, какого нибудь запорожца — Подовика, также какъ и боль-